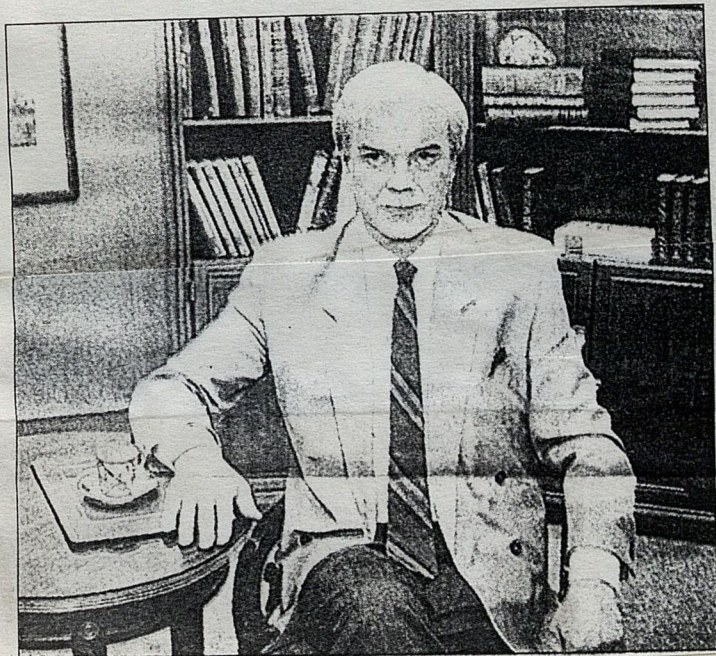

Молчанов Владимир

Молчанов

попсу Куряты. — 1998. — Завяты. — с. 33. не уважает

Публицистика покидает телеэкраны. За нее еще дают призы, но под нее не дают рекламу. Когда Владимир Молчанов снял фильм о деревенском сумасшедшем доме «Я, ты, он, она...» (вместе, как известно, целая страна), на просмотр пригласили потенциальных рекламодателей. Они фильм с вниманием посмотрели, и... возникла мертвая пауза. «Да вы что, — выразил наконец мнение коллег откровенный рекламодатель, — с ума сошли? Кто ж вам под такое (!) даст?» Было это года три назад, с тех пор к этим серьезным людям с подобными глупостями не обращались. И впрямь — вот недавно по РЕН ТВ были показаны «Записки мертвого дома». Эта авторская программа того же Владимира Молчанова, как известно, недавно получила приз ТЭФИ. Наверное, потому ее и повторили. (Премьера была на ОРТ.) Не побоялись, что рассказ-размышление о 150 «смертниках», которые живут на острове Огненный, испортит субботнее игриво-легкое настроение зрителей. А то ведь с недавних пор на телевидении само собой разумеется, что телезритель российский ничего серьезного, кроме политических «Итогов» (и то раз в неделю), не приемлет. Стоит признаться, что экран наш, увы, пожелтел — убогий и бедный. Но так ли это?

Серьезные сюжеты, подобные «Мертвому дому», способны и потрясти, и возмутить, побуждают думать и сопереживать. Говорят же в России: от сумы и от тюрьмы не отрекайся. Среди убийц и насильников, приговоренных к смертной казни и помилованных президентом, на Огненном острове оказался, к примеру, прокурор, некогда в команде Гдьяна расследовавший «узбекское дело». Оказался не потому что, как мы, обыватели, иной раз склонны думать: ему «пришили дело», а потому, что действительно, по убеждению своему стал таким Раскольниковым. Убил двух женщин, что везли зарплату. Сквитался с обществом — ведь сверхчеловеку все позволено.

Понять этих людей, которых и людьми назвать язык не поворачивается, кажется невозможным. Зачем их помиловали? Им и самим дарованная жизнь не вмоготу. Но это только на первый, поверхностный взгляд она не имеет смысла. Владимир Молчанов не навязывает каких-либо выводов и в споре, вы «за» или «против» смертной казни, столь распространенном в обществе, не участвует. Он всего лишь разговаривает с этими людьми об их жизни, показывает их быт и остров Огненный, где некогда был монастырь, а теперь — тюрьма. Но батюшка есть и здесь. И Богом эти люди (все-таки люди!) не оставлены. В фильме Молчанова — жизнь, не придуманная и не прикаянная. Достоевский о такой писал. С тех пор, по сути, не многое изменилось.

Конечно, Достоевские-то не каждый день рождаются. И на телевидении талантливых журналистов, которые могут публицистику делать и не все о жизни — о том же Достоевском размышлять, не так уж много. А много и не надо. Вот Молчанов доказал это свое право на умный жанр. Теперь, закрыв выходящую одиннадцать лет программу «До и после полуночи», он реализует новый проект — воспоминания о советских композиторах, чьи песни стали народными: показ семнадцати серий начнется с первой субботы сентября. «Эти фильмы-воспоминания о Василии Соловьеве-Седом, Матвее Блантере, Борисе Мокроусове, о друзьях моего отца — Аркадии Островском и Леониде Афанасьеве. Я вырос у них на глазах, — рассказывает Владимир Молчанов. — Последняя серия будет посвящена отцу. Я долго сомневался, стоит ли мне рассказывать о нем, но коллеги и композиторы сказали, что я обязан это сделать. Ведь и у отца есть песни, которые стали народными: «А я люблю женатого...», «Вот солдаты идут...». Людмила Марковна Гурченко просила особо рассказать об этой ее любимой песне».

Интересно, что все эти произведения прозвучат в старых записях. Невзирая на то, что в моде «старые песни о главном» на попсовый лад, Молчанов попсу не уважает. Вот и предлагает нам посмотреть, чем попса отличается от народного искусства. Может, заодно уясним, и чем тележурналистика отлична от поделок...

Ирина Карпенко.